

Игорь Миронович, ваше остроумие — качество наследственное или вы сами его в себе воспитали?

Куча моих родственников думали, что они остроумные. Во всяком случае, шутили в семье все. Но мне остроумие надуло ветром.

Вам пригодилось в жизни ваше техническое образование?

Конечно. Сорок один год назад я с помощью технического образования соблазнил свою будущую жену. У нее в спальне сломался выключатель у торшера, а я его починил. Потом мы погасили свет и приступили к совместному ведению хозяйства.

Вам никогда не приходило в голову написать гарики о тех людях, которые вас посадили? Вот, например, фамилия прокурора Сугрובה, по-моему, хорошо рифмуется.

Я не пишу гариков даже о хороших людях.

Вы уехали из России в Израиль осмысленно или просто так сложились обстоятельства?

Дело не в обстоятельствах. Я ехал не из сионизма и не на историческую родину. Просто я почувствовал в какой-то момент, что одну жизнь уже прожил, а тут Господь Бог предлагает вторую. Вот на эту вторую я и польстился.

И теперь вы русский иммигрант, израильтянин или гражданин мира?

Я израильтянин русского происхождения, русскоговорящий еврей, даже не знаю, как еще себя назвать. Во мне много всего сосуществует, я ни от чего не отказываюсь.

А израильтянин — он какой?

Не такой, как я. На самом деле мы все очень разные. У меня есть стишок, заканчивающийся словами: «Еврей вращается по форме сосуда, в который попал от рождения». Это правда. Выходцы из Марокко — чистые африканцы. Израильтяне, приехавшие из Германии, — абсолютные немцы. Мы, выходцы из России, — совершенно русские. Район, в котором я живу, — это район бедноты. Там очень много бухарских евреев. Они абсолютные узбеки: ходят в халатах и тюбетейках, разговаривают по-узбекски. То есть среднего израильтянина не существует.

Русскоговорящая публика, живущая в России, в Германии, в Израиле, в Америке, чем отличается по восприятию?

Да, конечно. В Америке публика более благополучная. В Германии — растерянная. Они все время помнят, что живут в Германии. В Австралии — слишком сытая, скучноватая. Во всяком случае, это мои ощущения от публики тех стран, где я бываю от недели до месяца. Разница чувствуется даже не столько по реакции в зале, сколько по пьянкам после выступления.

Бывали случаи, когда ваш зритель оказывался остроумнее, чем вы?

Мне зрители присылают замечательно смешные записки, я их потом часто использую. Иногда люди даже не стремятся сосричь, а получается блестяще. Вот я вам сейчас приведу пример вопиющего остроумия. Абсолютно незнакомый мне му-

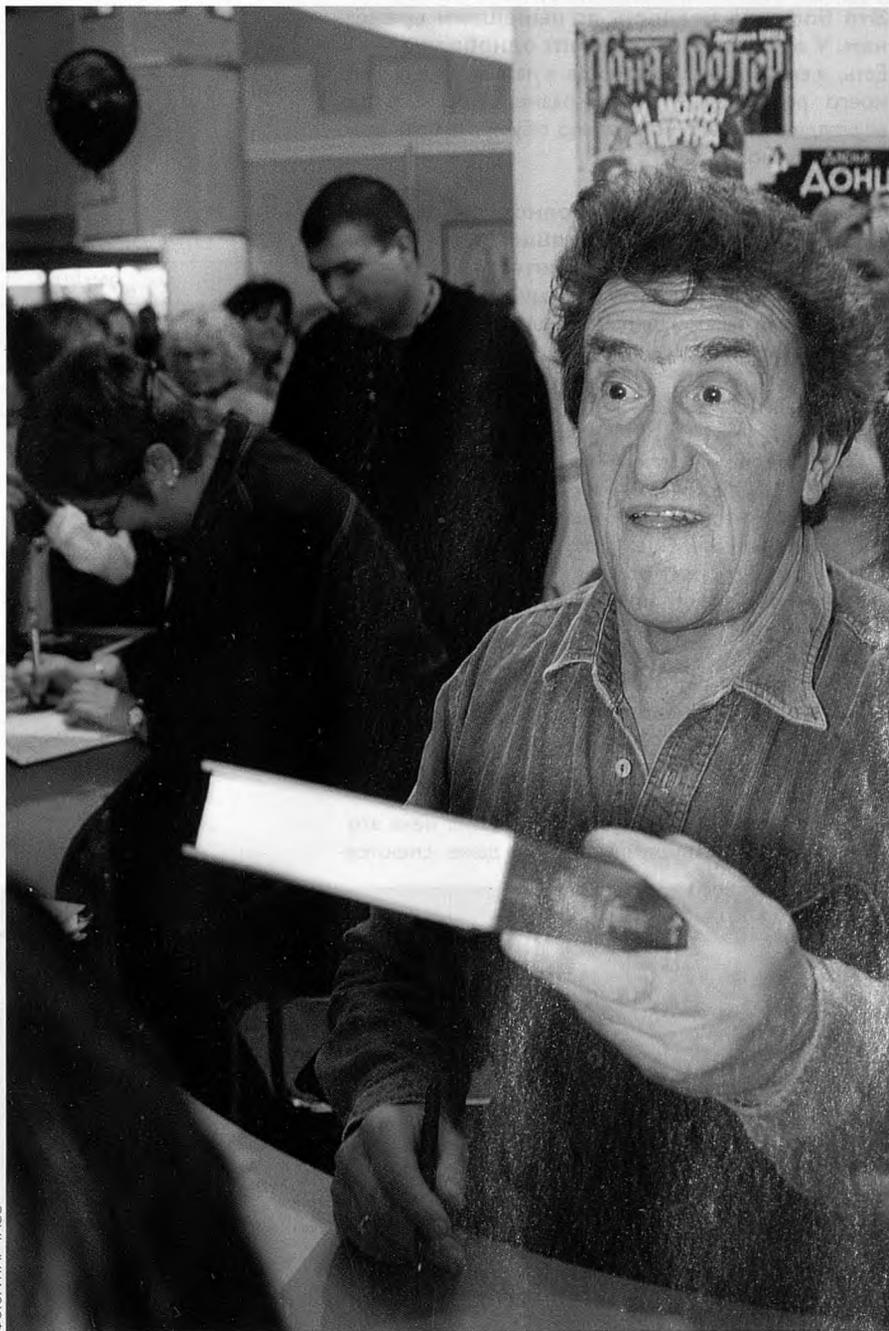

Фото: ИТАР-ТАСС

*(Был холост —
снились одалиски,
вакханки,
шлюхи, гейши,
киски;
теперь со мной
живёт жена,
а ногой снится
тишина)*

жик присылает из зала записку: «Игорь Миронович, не прощаюсь, вышел в туалет. Илья». Это, как сейчас помню, было на моем выступлении в Киеве.

Как вам кажется, люди, не воспринимающие ненормативную лексику в ваших стихах, слишком высоконравственные или просто ханжи?

Это не имеет никакого отношения к нравственности, только к ханжеству. Может быть, еще к особому чувству русского языка, к воспитанию. Ханжество — это ведь такое воспитание. Хотя ханжи, которые не брезгают и приходят на мои выступления, быстро перековываются. Я как-то получил записку, в которой говорилось: «Игорь Миронович, почитайте какой-нибудь матерный стишок, только медленно, потому что мы записываем». Самой смешной в этой записке была подпись: «Группа школьных учительниц».